

Л. М. Комарова
(ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель)

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Статья посвящена одному из наиболее продуктивных способов пополнения языка – семантической деривации, исследуемой с позиций когнитивной науки. Называются причины экстралингвистического и внутрилингвистического порядка, приводящие к появлению у слова новых значений. Рассматривается явление семантической деривации в рамках теории концептуальной интеграции.

Постепенное изменение лингвистической парадигмы, произошедшее в последней четверти 20-го века, было вызвано осознанием невозможности постичь закономерности функционирования языка вне связи с его создателем и носителем, познающим мир человеком. Познавая мир, человек закрепляет результаты своей познавательной деятельности в лексике и грамматике. «Каждое слово вбирает в себя опыт людей, становится сгустком этого опыта, который превращается в орудие мысли следующих поколений» [1, с.100]. Подобное понимание языка, возникшее под влиянием когнитивной науки, привело к исследованиям законов и механизмов языка с учетом их связи с восприятием и памятью человека, его воображением и эмоциями, мышлением.

Семантическая деривация – это не только один из путей пополнения языка новыми номинативными единицами, но и многоаспектное явление языковой системы, связанное с когнитивными процессами человеческого мышления и приводящее к трансформации наименований, охватывающей всю лексическую систему языка и отражающей динамику его постоянного развития и изменения. Усиление интереса к когнитивным аспектам языка предполагает изучение семантической деривации именно как процесса, имеющего когнитивную основу. Семантическая деривация дает широкий материал для исследования в данном направлении, так как основывается как на универсальных для всех языков когнитивных механизмах, так и уникальных для каждого языкового коллектива информационных процессах.

Главными причинами, вызывающими повторное использование уже имеющихся номинативных средств в новых значениях, являются причины экстралингвистического порядка. Различные исторические, социальные, экономические, технологические и другие изменения в жизни людей порождают потребность в новых наименованиях. Эта потребность удовлетворяется, главным образом, за счет использования уже имеющихся в языке единиц в новых значениях, то есть за счет семантической деривации. «С некоторой долей условности можно сказать, что человек не придумывает новых слов: новые слова появляются либо в результате заимствования, либо в результате работы продуктивных словообразовательных моделей» [2, с. 22].

К причинам внутрилингвистического порядка следует отнести асимметрический дуализм языкового знака. Согласно С. О. Карцевскому, две стороны языкового знака – обозначающее и обозначаемое – в процессе функционирования знака имеют разную направленность: «обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [3, с. 90]. Эта языковая антиномия обуславливает два основных направления варьирования в языке: 1) развитие многозначности и омонимии знаков; 2) развитие синонимии знаков [4, с. 89]. В явлении семантической деривации проявляется гибкость языка, его способность к дифференциации обозначаемых явлений.

В языковом мышлении семантическая деривация позволяет оптимизировать процесс познания окружающего мира. По мнению представителей когнитивного направления, определяющим для семантической деривации является именно когнитивный аспект. Сам факт существования семантической деривации и, как следствие, полисемии является главным доказательством когнитивной природы этого явления.

Человек познает «новое, неосвоенное через данное, освоенное и известное, «моделирует» новые объекты и ситуации с помощью уже имеющихся у него семантических структур, «подводя» под освоенные модели новые элементы опыта. Такого рода «расширение», продвижение от простого к сложному, от наглядного, наблюдаемого к абстрактному, ненаблюдаемому – общий принцип когнитивной лингвистики, который проявляется не только в языке» [2, с. 23].

В понимании семантической деривации с когнитивной точки зрения важным представляется отношение семантической области-источника и области-цели, смысловой связи между исходным и производным наименованием. Так, регулярная семантическая

деривация связывает две концептуальные области или сферы, которые в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона получили такие названия, как *source domain* 'сфера-источник' и *target domain* 'сфера-цель' [5]. Семантический перенос из сферы-источника в сферу-цель охватывает некое множество лексем, которые по определенной схеме связывают исходную и конечную сферу.

В настоящее время одним из наиболее перспективных когнитивных исследований является теория концептуальной интеграции, разработанная представителями американской школы когнитивной лингвистики Ж. Фоконье и М. Тернером. В основе данной теории лежит концепция ментальных пространств – небольших концептуальных структур, возникающих в процессе мыслительной и коммуникативной деятельности [6, с. 40]. Интеграционная модель состоит из четырех ментальных пространств: два входных пространства, соотносимые со сферой-источником и сферой-целью в теории концептуальной метафоры, родовое и новое смешанное пространство. Под действием родового пространства, содержащего базовые знания, происходит интеграция из выходных пространств в смешанное. Смешанное пространство заимствует из исходных пространств часть их структуры, в завершение пополняется фоновыми знаниями, когнитивными и культурными моделями [6, с. 42].

Мы разделяем мнение З. А. Харитончик о том, что «номинативный процесс является частной разновидностью концептуальной интеграции» [7, с. 417]. Теория концептуальной интеграции служит для объяснения функционирования метафоры и метонимии. Исходное и метафорическое значения многозначного слова имеют общие признаки, являющиеся основой их взаимодействия. Это взаимодействие «предполагает установление интегрированного ментального пространства, выявление семантической общности. (...) Фиксируемое в нем семантическое отношение между анализируемыми сущностями тем более важно, что оно многократно повторяется в процессах вторичной номинации, закрепляясь в виде оснований регулярной полисемии или ономазиологических связей в словообразовании» [7, с. 418].

Предшествующий чувственный опыт человека хранится в памяти в виде образов, впечатлений и ассоциаций. «Память – структура, основанная на ассоциативной связи». Сталкиваясь с незнакомым для себя предметом или явлением, человек, «чтобы отыскать требуемую информацию, обращается к ассоциации по смежности, то есть вспоминает одно событие, чтобы через него выйти на другое» [8, с. 18].

В. Н. Телия, указывая на ассоциативный характер человеческого мышления, называет семантические признаки, актуализируемые в процессе вторичной номинации, ассоциативными. «Ассоциативные признаки (...) могут соответствовать компонентам переосмысливаемого значения, а также таким смысловым признакам, которые не входят в состав дистинктивных признаков значения, соотносятся с фоновым знанием носителей языка о данной реалии или о внутренней форме значения» [9, с. 337].

Ассоциативные связи являются отражением наших понятий и представлений о взаимодействии фактов и явлений предметного мира. Войдя в социальный опыт языкового коллектива, они определяют появление вторичного употребления слов. В основе вторичного использования имен лежат законы ассоциативных связей, определяющие виды семантических изменений слова.

Определение общеязыковых черт и национальной специфики производных значений является важнейшим аспектом характеристики этих значений. Сходство процессов семантической деривации обусловлено универсальностью когнитивных процессов, общностью объективной реальности и социального опыта. Но эта универсальность не означает, что механизмы семантической деривации будут одинаковы в разных языках.

Список использованной литературы

1. Супрун, А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. Пособие для студентов фил. фак-тов вузов / А. Е. Супрун. – Мн.: Бел. Фонд Сороса, 1996. – 287 с.
2. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
3. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. / В. А. Звегинцев. – М.: Просвещение. Ч. 2. – 1965. – 496 с.
4. Мечковская, Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию / Н. Б. Мечковская. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 584 с.
5. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / под. ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–416.
6. Fauconnier, G., Turner M. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York, 2002. – 440 p.

7. Харитончик, З. А. О номинативных ресурсах языка, или к дискуссии о концептуальной интеграции / З. А. Харитончик // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М. : Яз. славян. культур, 2009. – С. 412–422.

8. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – СПб: Питер, 2000. – 190 с.

9. Телия, В. Н. Номинация / В. Н. Телия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 336 – 337.